



Евгений Вахтангов —
Надежде Независимая
Михайловне *14 июля - 1993.*
Вахтанговой *12 февр. - с. 7.*

МАЛЕНЬКАЯ МОЯ.

За эти 10 дней, что я здесь, я успел перейти на третью квартиру, теперь уже последнюю. И только-только сейчас выбрал наконец час, когда могу писать тебе спокойно и удобно.

Как ты уже знаешь, живу я с Суллером, т. е. у того же дачевладельца, у которого живет и он. Т. к. комнаты здесь сдаются только на сезон, то, чтобы мне стоило дешево, хозяин и я согласились сделать так. Я занимаю небольшую комнату и живу до тех пор, пока ее не снимут.

Два раза я переселялся.

Теперь сложился и устроился на веранде у Суллера.

15-го думаем выехать на Днепр. Ждем сейчас сына Станиславского — Игоря, который тоже будет жить у Суллера. День мой такой:

В 9 ч. пьем чай. Потом лежание на солнце, купание.

В 2 ч. обед. Опять лежание на песке.

В 8 ч. ужин.

В 9 ч. расходимся спать.

Я, в общем, один.

Предоставлен самому себе и, думая о зиме, вправляю в себя здоровье. Пока терпеливо и не без охоты.

Кажется, поправляюсь.

Лежа на берегу, думаю много.

И о тебе, и о Сереньке.

Я так устроен, что не могу быть с Вами летом.

Я изведу и себя, и Вас. Знаю это. Поэтому гоню себя в одиночество. И не ругай меня, малютка. Пойми меня. Прости меня.

Крошки мои. Золотые мои.

Прожил полжизни, может, больше, и вижу: не научился жить.

И вот одно только придумал: с осени как встретимся, буду жить так, как хочешь ты, как скажешь ты. Каждая секунда Ваша.

И навсегда. До конца дней моих.

Мне надо очиститься. И это могу сделать только с тобой и через тебя.

У тебя не будет счастья без меня, у меня — без тебя. Мы так прекрасно любим друг друга. И так много делаем глупостей. Так много я порчу.

Теперь мне надо быть здоровым. И надо начинать с осени снова нашу жизнь. Поддержи меня.

Помоги мне, Надя моя, бог мой, часть души моей, часть тела моего. Я не мыслю себя без тебя.

Мне вдруг сейчас так стало ясно: мы нашли друг друга. И мы никогда не должны разойтись. Люблю Вас. Руки Ваши целую. Ваш Женя. Пиши мне.

Завтра опуסקаю письмо отцу о деньгах тебе.

Евпатория, 12/VI—1914 г.

Борис Щукин —
Рубену Симонову

ДОРОГОЙ РУБЕН!

Если Студия должна существовать в Мире, то она должна быть насыщенной силою духа Евгения Багратионовича, его принципами аристократизма, его смелостью и осторожностью, всем его существом, должна быть домом живого, а не умершего (остановившегося) Евгения Багратионовича, жадного, неутомимого, **строгого к себе, джентльмена к другим.**

Только такую Студию я могу хотеть, только ради такой я отдам всего себя вместе с жизнью.

Чтобы увлекать других на это — надо суметь пересоздать себя самого, выковать беспощадно себя, веря в такой идеал. С сегодняшнего дня стать абсолютным строгим к себе и милостивым к другим. Создать из себя **нового человека, человека художника.**

И тогда будет ясно самому, как и на что увлекать других и другим будет ясно, формально ли то, на что их зовут, или в этом глубокий смысл-идея, настоящая кровь и душа.

Мы все знали Евгения Багратионовича, но он в нас перестал сейчас быть живым. Поэтому мы должны заново себя создать, так как создавали себя когда-то, чтобы попасть в Центральный орган, чтобы сидеть рядом с Евгением Багратионовичем. Сейчас никто не имеет права считать себя достойным. Мы впали в первобытное состояние до поступления в Студию, с той разницей, что тогда мы были юны, наивны, доверчивы.

Сейчас мы взрослее, много знаем, о себе понимаем, изверившиеся друг в друга. Надо вернуть каждому сначала в себя Евгения Багратионовича, и кто это скорее сделает, тот будет больше иметь права возвращать Евгения Багратионовича в других.

Волга, 20/VI—1925 г.

(Из архива
Евгения Симонова)